

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ВЛАДИМИР ВЛАДМЕР

HALL^{skull}WEEEN

Владимир Владмели

Хэллоуин

«Автор»

2021

Владмели В.

Хэллоуин / В. Владмели — «Автор», 2021

Герои рассказов В.Владмели - наши современники. В них легко можно узнать своих друзей, родственников и знакомых. Произведения написаны живым, образным языком, с тонким юмором, но, отсмеявшись над забавными эпизодами, чувствуешь, что хочется плакать. Эту трагикомедию человеческого существования автор назвал "Сценами провинциальной жизни". Содержит нецензурную брань.

© Владмели В., 2021

© Автор, 2021

Владимир Владмели

Хэллоуин

Повесть в рассказах

Глава I. Письмо из Италии

(Италия, Миннеаполис, конец 1980-х)

1.

Здравствуй, Лёша!

Начну я с жалоб на свою бывшую родину. Качество советских изделий вообще, а резиновых в частности таково, что они рвутся в самый неподходящий момент. Это вдвойне обидно нам с Надей, потому что она много лет подряд не могла забеременеть. Она ходила по врачам, пила гомеопатию, половину мочи сдавала на анализ, а в постели старалась так, что уматывала меня вконец. Ты не подумай, я не жалуясь, работа была приятная, но о-о-очень тяжёлая. После рождения сына мы даже пытались сделать ему братика и только перед самым отъездом из Союза оставили эту затею.

Илья Окунь откинулся на стуле и посмотрел в окно. На улице шёл дождь, деться было некуда, поэтому он и стал писать двоюродному брату. Лёша тоже думал об отъезде и очень просил подробно информировать его о том, как проходит эмиграция.

2.

Началась она весьма буднично. Из Австрии их привезли в дешёвый отель на окраине Рима, выдали русско-итальянский разговорник и предупредили, что за неделю они должны найти квартиру и освободить помещение. При ближайшем рассмотрении отель оказался публичным домом низкого пошиба. Поняв это, эмигранты без дополнительных напоминаний отправились в пригороды, где за полцены можно было снять простаивающие зимой дачи. Илья поехал в Травояники и начал там стучаться в каждый дом. Хозяина он приветствовал единственной итальянской фразой, которую успел к этому времени выучить: «Сниму квартиру».

Ему либо сразу отвечали отказом, либо начинали расспрашивать, а поскольку он не понимал ни одного слова, то чувствовал себя полным идиотом. Он не представлял себе, как другие ухитрились снять квартиру, не зная языка. После нескольких неудачных попыток он решил изменить тактику. Он нарисовал на листке бумаги трёх человек, несколько огромных чемоданов, две кровати под прохудившейся крышей и поставил рядом знак вопроса. С этим шедевром изобразительного искусства он продолжал поиски до полудня. Устав, он присел за столик маленького кафе.

Была сиеста и вокруг всё вымерло.

Недалеко от кафе остановился открытый мерседес и из него вышел строго одетый мужчина средних лет. Его спутница, молодая, красивая женщина, осталась в машине. У Ильи сразу же возникла ассоциация с президентом небольшой фирмы и его секретаршей. Скорее всего, они приехали из Восточной Германии и не знали, что во время сиесты вся Италия отдыхает, готовясь к ночной жизни. Президент направился в магазин. Дверь была закрыта. Он постучал, подождал ответа, опять постучал и когда уже собирался уходить, перед ним неизвестно откуда появился молодой человек разбитного вида и предложил бутылку водки. Президент отрицательно покачал головой.

– Попробуй, чудак, – сказал парень, поправляя бейсбольную кепочку, – ты здесь такого никогда и не пил. Я же о тебе думаю, образина ты старая, «Столичная» во всём цивилизованном мире известна, она very good, настроение улучшает и для любви полезна. – Он дружелюбно улыбнулся. – Сам подумай, кто же на трезвую голову пойдёт с таким крокодилом, как ты? Да и тебе чтобы не опозориться одной бутылки не хватит. Тебе и тёлку свою угостить надо. Смотри,

какая она знатная, ей же настоящего мужика хочется, а не такого старпёра как ты. Покажи ей хотя бы свою щедрость, Жлоб Горыныч.

–Как тебя зовут? – спросила женщина по-русски.

–Гена, – ответил парень, не моргнув глазом.

–Сколько ты за свою бутылку берёшь?

–Вообще-то я продаю её за 15 миль, но с тебя возьму 10.

–Бери, – она протянула деньги.

Когда машина уехала, Илья сказал:

–Слушай, друг, помоги мне найти квартиру.

–Иди на базарную площадь, поговори с людьми.

На центральной площади Травояников живописным табором расположились русские эмигранты. Они продавали всё, что только можно: гжель, французскую парфюмерию, фарфор, столовые приборы, жостовские подносы, хрусталь, но особенно популярны были самовары и матрёшки. Илья поражался, как люди ухитрились найти всё это в стране непрекращающегося дефицита. Обойдя почти весь рынок, он опять столкнулся с Геной.

–Ну, что, устроился? – спросил тот.

–Нет.

–Поговори вот с Яшей.

Яша оказался 75 летним мужчиной, коренным Ленинградцем, персональным пенсионером и бывшим врачом, прошедшим во время войны пол Европы. Перед выездом его лишили всех привилегий, и теперь за подходящую цену он готов был продать свои боевые награды. Его мишпуха снимала здесь трёхкомнатную квартиру. Вначале он был уверен, что разрешение на въезд в Америку придёт ему со дня на день, но дни складывались в недели, недели в месяцы, а разрешения всё не было. Недавно его зять получил место профессора физики в Нью-Йоркском университете. У Якова Борисовича Рабина освободилась одна комната, и он готов был сдать её приличным людям. Сейчас в квартире жило пять человек: он со своей старухой и сын с женой и дочкой. Родственники, уже устроившиеся в Америке, советовали им наслаждаться Италией и ловить кайф. Но кайф не ловился, пособия с трудом хватало на жильё, а им, впервые попавшим за границу, хотелось поехать по стране и походить по музеям. Сам Рабин-старший, подрабатывал игрой в шахматы, а ордена и медали одевал только перед турниром. Там, если он попадал в трудное положение, то начинал стряхивать со своих наград несуществующие пылинки. Иногда это помогало. Во всяком случае, он зарабатывал не меньше, чем его сын, кандидат наук.

–Кем работает ваш сын? – спросил Илья.

–Он сколотил здесь бригаду по ремонту домов.

–Может он и меня к себе возьмёт?

–Нет, они принимают только с учёной степенью.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что внучка Якова Борисовича – Маша, учится в местной школе. Она в совершенстве выучила итальянский язык и теперь её знаниями пользуются все родственники и знакомые. Передались ей эти способности от матери, которая в России изучала древние цивилизации, а здесь работает экскурсоводом и совсем не торопится уезжать.

–Чего ты свою биографию рассказываешь, – перебил его Гена, – этот парень ведь квартиру ищет, а не интервью берёт. Ты комнату ему покажи и цену назови.

–Ладно, – согласился Рабин.

На следующий день Илья перевёз свою семью в Травояники. Оставив жену с сыном разбирать вещи, он отправился в Вечный Город за продуктами. Бывшие граждане Советского Союза были твёрдо уверены, что в Риме всё должно быть дешевле, чем в пригородах. Выйдя из метро, Илья Окунь стал смотреть по сторонам, пытаясь найти таблички с названиями улиц.

Их не было.

Он уже собрался идти наугад, но тут кто-то хлопнул его по плечу. Он обернулся.

–Ты на Круглый рынок? – спросил Гена.

–Да, а как ты определил, что это я?

–Вас, ленинградцев за километр видно.

–Я из Москвы.

–Это всё равно, пошли.

–А ты знаешь куда?

–Пошли, – повторил Гена, уверенно показывая дорогу.

На рынке по каким-то ему одному известным признакам он выбрал маленький магазинчик, ничем не отличавшийся от сотни других, и остановился около прилавка. Там были разложены разные сорта колбас, сыров и всевозможные виды готового мяса.

–Дай попробовать, амиго, – сказал Гена хозяину.

Тот отрезал им по кусочку сыра. Гена начал жевать с видом профессионального дегустатора. Проглотив сыр, он скорчил недовольную физиономию:

–Что за пакость, такая, парень. Чем ты торгуешь?

Парню было около 60 лет, русского он не знал, но мимику понял правильно и, зло блеснув глазами, стал что-то быстро говорить.

–Ну, вот, ругаться начал. Я же тебе ничего плохого не сделал, просто я такой сорт не люблю, может другой мне понравится больше. Вон тот. – Гена ткнул пальцем в направлении верхней полки. Продавец взял огромный нож и, используя его, как указку, дотронулся до головки сыра.

–Нет, – сказал Гена.

Хозяин показал на соседнюю.

–Да нет же, балда бестолковая, во-о-н тот, – Гена перегнулся через прилавок и протянул руку, показывая на сыр, лежавший в самом дальнем углу верхней полки. «Парень» буркнул что-то себе под нос, достал сыр и отрезал от него два маленьких кусочка. Попробовав, Гена кивнул головой и начал торговаться. Ему удалось сбить цену почти в два раза, но когда продавец сделал решительный жест ножом и сказал «Баста», Гена развёл руками:

–Как хочешь, амиго, для меня это дорого, – и, взяв Илью за рукав, повёл его дальше.

–Ты же знал, что не будешь покупать, зачем было торговаться? – спросил Илья.

–Чтобы не потерять квалификацию.

Эта сцена повторялась несколько раз и когда Илья уже начал нервничать, Гена сказал:

–Пошли в сквер, покупки посмотрим.

–Какие к чёртовой матери покупки? Из-за тебя мы только время потеряли.

–Не горячись, Илюша, не горячись. Спешка нужна только при ловле блох, да и то в военное время.

Они сели на свободную скамейку, Гена положил на колени свою сумку и стал вынимать из неё куски сыра и батоны колбасы.

–Так ты?..

–Что?

–Ты, – Илья сделал паузу, не желая называть вещи своими именами, – ты...

–Я беру компенсацию за Крылья Советов.

–Какие Крылья Советов?

–Ты даже этого не знаешь, деревня, а ещё говоришь, что из Ленинграда.

–Из Москвы, – автоматически поправил Илья.

–Всё равно, одинаковые лопухи. Слушай сюда, как говорят у нас в Одессе. До начала русской эмиграции итальянцы выбрасывали куриные крылышки как отходы, но когда увидели, что мы их подбираем, стали их продавать. Сначала за бесценок, потом всё дороже и дороже. А теперь они просто оскорбляют мои патриотические чувства, когда кричат, что продаются Крылья Советов. Ты ведь и сам это слышал. Ну, скажи, слышал?

–Да.

–Так что бери свою долю и скажи спасибо.

–Свою долю возьму, а спасибо говорить не буду, да и в игры эти больше играть не хочу.

–Тогда тебе придётся сумку с продуктами сторожить, а то она мне работать мешает, – сказал Гена, – а пока, раз уж мы всё равно на скамейку сели, давай перекусим. Он достал перочинный нож, сделал сэндвичи, положил их на салфетку и протянул один Илье. Потом он посмотрел по сторонам и добавил, – не люблю я всухомятку есть, пойду сок возьму. Ты какой хочешь?

–Я обойдусь, – ответил Илья, прикидывая свои финансовые возможности.

–Не бойся, говори какой, я угощаю.

–Мне всё равно.

–Подожди.

Гена подошёл к автомату, засунул в отверстие для монет согнутую в виде крюка проволоку, легонько ударил по боковой стенке, выбил банку сока, повертел её в руках, потом таким же образом выбил ещё три банки и, вернувшись к скамейке, поставил их рядом с бутербродами. Получилось у него это так быстро, что никто, кроме Ильи ничего не заметил.

После обеда одессит пошёл на промысел, а Илья лёг на лавочку и положил сумку под голову.

...Разбудил его вопрос Гены:

–Эй, соня, где продукты?

Илья сунул руку под голову, но там были какие-то старые тряпки.

–Украли, – сказал он, садясь и потягиваясь, – это нас Бог наказал.

–Меня наказывать не за что, а если ты такой грешник, то проверь на месте ли у тебя кошелёк.

Илья сунул руку в карман, потом в другой и побледнел.

–У меня там были деньги на весь месяц, Надя меня убьёт.

–Правильно делает, нечего рот разевать, это тебе не Ленинград, итальянцы работают не хуже наших, с ними надо держать ухо востро.

–Пошёл ты со своими советами.

–Я и ходил, пока ты здесь ушами хлопал, проверял итальянцев на вшивость. Вот, смотри, – он достал кошелёк Ильи и зажал его между большим и указательным пальцем.

–Свинья, – сказал Илья, вырывая кошелёк.

–Ну вот, уж и пошутить нельзя, – сказал Гена наклоняясь и вытаскивая из-под лавки сумку с продуктами.

–Шути с кем-нибудь другим.

–Ладно, я тебе за причинённое беспокойство кусок сала дам.

Они вошли в метро, и сразу же им бросился в глаза невзрачно одетый мужчина со скрипкой в руках.

–Наш человек, – сказал Гена.

–Откуда ты знаешь?

–У него же печать на лбу.

Они подошли к музыканту, но ещё до того как успели с ним заговорить, он положил скрипку на плечо и заиграл. Около него быстро собрались люди и, когда толпа была уже достаточно большой, он эффектно закончил пьесу. Слушатели захлопали и стали бросать деньги. Через несколько секунд подошёл поезд, и все разошлись.

–Ты не из Одессы? – спросил скрипача Гена.

–Нет.

–У нас тоже есть хорошие исполнители, один даже в «Гамбринусе» играл, Сашкой звали, может, слышал?

– Меня тоже Сашей зовут, но я в Москве учился, у профессора Шульмана.

– Надо же, и я у Шульмана учился, – сказал Гена, – тоже профессор в своём роде.

– Может родственник?

– Вряд ли.

– А чем он занимается?

– Он, – Гена сделал неопределённый жест рукой, – он артист оригинального жанра. Специалист высочайшей квалификации. Импровизировал на ходу и зрители никогда не знали, чем закончится очередной его номер. Теперь таких уже не осталось. Впрочем, что я говорю, ты тоже хорошо играл, я бы тебе с удовольствием заплатил, но у меня только 10 миль одной бумажкой.

– Я тебе сдачи дам.

– Давай, – обрадовался Гена, – я положу десять, а возьму шесть, ты не обидишься?

– Можешь даже взять семь.

– А восемь?

– Бери, сколько хочешь.

– Вот этого моему приятелю говорить нельзя, – предостерег скрипача Илья, внимательно наблюдая за одесситом. Проследить за ним было невозможно и, когда они сели в поезд, Илья спросил:

– Сколько ты взял?

– Десять миль.

– Не больше?

– Нет.

– Зачем же надо было дурака валять?

– Хотел человеку удовольствие доставить. Для нас, артистов, деньги – это мелочи, самое главное – признание зрителя. Тебе этого не понять.

– Почему это не понять? Я тоже музыкой занимался, несколько лет с ансамблем выступал.

– Тебе за это платили?

– Конечно.

– А чего же ты здесь теряешься?

– У меня гитары нет.

– Я дам тебе свою.

– У тебя-то она откуда?

– Для дела нужна была, а продать её я не успел, так что возьми, попользуйся.

Илья промолчал.

– Бери, чудак, я чувствую, что базарная часть твоей природы недоразвита и на рынке ты много не заработаешь, а с гитарой у тебя есть шанс.

Всю дорогу до дома Гена уговаривал Илью, а в Травояниках сам принёс ему гитару.

Илье действительно не хотелось торговать. Да и что он мог выставить на продажу? Грубо размалёванные шкатулки и дешёвую посуду в псевдорусском стиле.

На следующий день он поехал в Рим, выбрал оживлённое место и стал исполнять русские романсы. Прохожие замедляли шаг, некоторые даже останавливались, но ни толпы, ни аплодисментов, ни гонорара не было. Пел он с перерывами почти весь день. После концерта, к нему подошёл нищий и энергично жестикулируя, начал что-то говорить. Илья только развёл руками, показывая, что ничего не понимает, тогда нищий, проспавший всё его выступление, заложил два пальца в рот и изо всей силы подул, но вместо свиста из его беззубого рта вылетели какие-то шипящие звуки пополам со слюной. Самолюбие Ильи было уязвлено, физиономия оплётана и ему ничего не оставалось, как утереться и поехать домой. Рассказывать жене о своём фиаско он не стал, а Гена к его провалу отнёсся философски.

– Не расстраивайся, – сказал он, – ты ещё легко отделался. Меня после неудачного выступления зрители вообще ногами били, и неизвестно как бы всё закончилось, если бы не профессор Шульман.

– А что он сделал?

– Он сыграл роль народного дружинника и попросил пострадавших пройти в отделение милиции для дачи показаний.

– А они?

– Разбежались как тараканы.

– Зря, – сказал Илья, возвращая гитару.

– Значит, ты не будешь больше петь?

– Нет.

– Тогда приноси своё барахло на рынок, я научу тебя торговать.

– Ген, а может, ты у меня оптом всё купишь? Я тебе за полцены продам. Всё равно мне скоро придёт разрешение на Америку.

– Придёт – куплю и не за полцены, а за треть, а завтра приходи на рынок.

– Завтра не могу, мы с Надей в Помпеи едем.

– Приходи когда отпомпеишься.

Экскурсия была шоком и для Нади и для Ильи. Они увидели цивилизацию, которая ничуть не уступала современной. У жителей города, погибшего от землетрясения два тысячелетия назад, были бани и пекарни, гончарные мастерские и уличное освещение, водопровод и канализация. Около входа в здания в камнях тротуара были проделаны дырки, чтобы можно было привязать лошадей. Помпеяне соорудили прекрасный стадион для традиционных видов спорта и ещё один, для гладиаторов. Строения гармонировали с окружающим ландшафтом и создавали удивительный ансамбль. Уже 2000 лет назад у людей было всё: для нарушителей порядка – тюрьма, а для развлечения законопослушных граждан – театр и публичный дом. У входа в это заведение стояли эротические скульптуры, а внутри на стенах красовались порнографические фрески. Интерьер полностью соответствовал назначению. В каждой комнате посетителей обволакивал дух похоти. Илья и Надя были под таким впечатлением от увиденного, что несмотря на усталость до утра не сомкнули глаз, а на рассвете у них произошла неприятность, с которой Илья и начал письмо брату.

3.

Низкое качество советских контрацептивов и постоянный их дефицит во многом определили жизнь Ильи. Началось это в первый день занятий в институте. Во время лекции у него упал кошелек, соседка подняла его и внимательно обследовав, прошептала:

– У тебя там нет ни одного презерватива.

– Ну и что?

– В наше время любой уважающий себя человек должен иметь про запас пачку-другую.

– Сейчас уже десять часов, к этому времени порядочные люди все свои запасы израсходовали.

– Значит, ты дневную норму выполнил?

– Да.

– Жалко...

Вскоре они сказали родителям, что обстоятельства вынуждают их жениться. Родители с обеих сторон приняли новость без восторга, зато молодые люди были счастливы, они могли заниматься любовью в нормальных условиях и в любых количествах. Лена была на редкость сексуальной женщиной и всё время изобретала что-нибудь новое, а когда она узнала, что за границей продают презервативы с усами, то непременно захотела их попробовать. Немногие счастливицы, уже испытавшие новшество, утверждали, что усы сначала разжигают, а потом

утоляют женскую страсть. Усы стали для неё навязчивой идеей и голубой мечтой. В конце концов, она добилась своего. Её мать, часто ездившая в загранкомандировки, привезла Илье большую картонную коробку. По картинке он тут же определил, что находится внутри, и хотя тёща вручила ему подарок молча, весь её вид говорил:

–На, Илюша, ебись на здоровье.

Прожив несколько лет, Илья и Лена поняли, что кроме секса их почти ничего не связывает, и начали тяготиться женитьбой. Усы на некоторое время укрепили их брак, но когда все запасы кончились, они расстались.

К этому моменту в Киеве наступил резиновый дефицит, и двоюродный брат попросил Илью прислать презервативы из первопрестольной. Звонил он по междугородному телефону с переговорного пункта. Разговор его слушали несколько человек, дожидавшихся своей очереди. Лёша пытался объяснить эзоповым языком, но лучшее, что он мог придумать – это стыдливо назвать презервативы «изделием №4», то есть, так как они официально именовались в медицинской промышленности. Илья посочувствовал тяжёлому положению брата и в тот же день выслал ему сто пачек. После этого все киевские родственники засыпали его аналогичными просьбами. Он отчитал Лёшу, но вынужден был вернуться в аптеку за дополнительной партией.

–Неужели вы всё израсходовали? – спросила провизорша, хорошо запомнившая оптового покупателя.

–Конечно, – ответил Илья, – я ведь должен был обслужить всех своих киевских знакомых, а на плодородной украинской почве эти штуки пока ещё не растут.

Девушка удивлённо посмотрела на него, а Илья, поняв двусмысленность фразы, засмеялся.

–Меня ваши успехи не интересуют, – недовольно сказала она.

–Это мои неудачи, – возразил Илья, – я ведь играю роль мальчика на побегушках, – и он рассказал, для чего ему понадобились контрацептивы в таких количествах. Так начался их короткий роман, развитию которого помешал тот же самый дефицит, докатившийся до Москвы. Илья не мог поверить, что провизорша не в состоянии достать то, что, по его мнению, было предметом первой необходимости. Он хорошо знал законы социалистической экономики и думал, что Таня делает это специально. Втайне от неё он поехал на фабрику, которая изготавливала презервативы. Там он назвался журналистом и сказал, что ему поручено узнать причину нехватки этого, в общем-то, нехитрого товара. Директор пригласил его в свой кабинет и стал рассказывать как он хотел модернизировать предприятие и выбил деньги на новое оборудование, как для закупки этого оборудования за границу послали людей из министерства, не знавших производства, как эти безмозглые бюрократы решили сэкономить государственные деньги и приобрели неполный комплект, в результате чего станки стоят мёртвым грузом, но списать их тоже нельзя, ибо по существующим законам оборудование должно быть в эксплуатации не меньше пяти лет. Таким образом, из-за собственной инициативы директор оказался между молотом и наковальней, а самое обидное, что разносы устраивают ему те самые бюрократы из министерства, которые были причиной его неудачи.

–Если я опишу всё это, вам не сносить головы, – сказал Илья, исполняя взятую на себя роль.

–Мне уже всё равно, я скоро перехожу на другую работу. Моим преемником, наверно, будет начальник цеха, он и покажет вам производство, а потом если вы зайдёте ко мне, я дам образцы нашей продукции. Ведь вы же ради этого приехали?

Илья дипломатично промолчал.

Технологический процесс на фабрике напоминал картину мануфактуры XVIII века. Начальник цеха, проводивший экскурсию, показал Илье несколько грязных помещений с допо-

топными станками, рассказал о планах на будущее и, остановившись около аккуратно одетой девушки, сказал:

– Это студентка заочница, победительница соц. соревнования и рационализатор производства. Её зовут Надя. Можете взять у неё интервью.

– В чём состоит ваша работа? – спросил Илья.

– Главная часть – это поддерживать чистоту, потому что наша продукция используется на самом деликатном месте.

– А не главная?

– Всё остальное легко. Видите деревянную трубку?

– Да.

– По ней поступает сжатый воздух. Я надеваю на неё презерватив, надуваю его до двух атмосфер, выдерживаю пятнадцать секунд и, если он не лопается, отправляю в упаковочный цех. Деревянную трубку мы называем бревно с глазами, а весь процесс – надувательством.

– Почему?

– Потому что презервативы надо проверять на трение, так сказать в рабочем режиме, – она посмотрела на Илью, ожидая его реакции.

– Наверно, – согласился он.

– Вот видите, Александр Николаич, – обратилась Надя к начальнику цеха, – что говорят представители центральной прессы о моём предложении, а уж они-то в этом деле толк знают. Подумайте.

– Если бы твоё предложение было единственным, я бы и подумал, но у тебя их тысячи, у меня просто времени нет.

– А что вы ещё предлагаете? – спросил Илья.

– Ещё вместо бревна с глазами я хочу использовать вот это, – она достала из выдвижного ящика очень хорошо выполненный деревянный макет фаллоса, поставила его рядом с конвейером и ласково погладила.

– Зачем?

– Работать приятнее.

– Тогда ваши сотрудницы не будут получать удовольствия от семейной жизни, – сказал Илья, – одно дело надевать презерватив на трубку и совсем другое, – он кивнул на деревянный макет, который был раза в полтора больше своего среднестатистического прототипа, – вот вы, например, сколько штук успеваете проверить за одну смену?

– Около двух тысяч.

– Это почти четыре в минуту, – прикинул он, – каково было бы вам заниматься любовью, после целого дня такой работы.

– Скучно, – согласилась она, – ведь я за год проверяю на прочность гораздо больше презервативов, чем любая женщина за всю жизнь.

– Мне что, уйти? – спросил начальник цеха.

– Ну, зачем же, – ответила Надя, – по стойте, будете свидетелем.

Илья встречался с Надей несколько лет. За это время она окончила институт, стала заведующей производством и привела фабрику в образцовый порядок, а в качестве награды её выбрали в депутаты местного совета. Когда они женились, Надя была уверенной в себе женщиной, быстро делавшей карьеру, а директор завода, Александр Николаевич, действительно был свидетелем на её свадьбе. Она единственная не боялась вставлять ему шпильки, хотя он к тому времени занял директорское кресло и имел очень большое влияние в министерстве. Он с большим трудом получил деньги на немецкую автоматическую линию с электростатическим тестированием и сам поехал закупать оборудование. Лишь одно осталось прежним – дизайн упаковки. Когда линию запустили, он пригласил на фабрику работников министерства.

На встрече с ними он в числе прочих успехов указал на то, что рабочие за последнее время стали более сознательными и теперь уже не воруют продукцию как раньше.

– Нашёл чем хвастать, – заметила Надя, – мало того, что наши презервативы никто не покупает, теперь их даже и не воруют.

Когда Надя уезжала в Америку, директор фабрики пришёл проститься. С собой он принёс большую сумку.

– Что это, – спросила Надя.

– Это доказательство того, что ты не права, – ответил он, – воруют нашу продукцию, ещё и за границу вывозят.

– Нет, я их не возьму. Что мне с ними делать?

– Продашь в тяжёлую минуту.

– А если спросят где взяла?

– Скажешь, что тебе подарили за многолетний добросовестный труд.

– Ты что, серьёзно?

– Конечно, серьёзно. Эта вещь необходима во всём мире, а на Западе она стоит гораздо дороже, чем у нас. Я-то знаю, я в Германии был, приценивался. Ты ещё хорошие деньги наваришь. Послушай старика, – и он против её воли всунул свой подарок в чемодан.

На таможене офицер, ткнув пальцем в аккуратно перевязанные пачки, спросил:

– Что это такое?

– А вы сами не видите? – удивился Илья.

– Вижу, поэтому и спрашиваю. Никто из ваших с собой это не берёт.

– Кому не надо, тот не берёт, а мне ещё пока надо. Если хотите, я и вам могу дать несколько штук.

– Нет, не хочу, у меня из-за них и так несчастный случай произошёл. Вернее два, один мужского рода, один женского.

– Это новые образцы, сделаны по последнему слову техники.

– Нет, всё равно не надо.

4.

После экскурсии в Помпеи Илье захотелось прокатиться по другим городам Италии, и он позвонил спонсору, чтобы занять денег. Стив сказал, что у них произошла какая-то бюрократическая неувязка и всем эмигрантам, направляющимся в Миннеаполис, придётся ещё пару месяцев пожить в Риме, но это даже к лучшему, потому что у них будет время не торопясь осмотреть страну.

– А ты можешь мне одолжить на это деньги? – спросил Илья.

– Неужели тебе не хватает?

– Конечно, нет, пособие выдают только на жизнь, а работать нам здесь официально запрещено, вот я целыми днями и маюсь, не знаю, что делать.

– Это вечная проблема, когда есть время, нет денег, когда есть деньги, нет времени, а когда есть уже и то и другое, нет сил. К сожалению, я не могу тебе помочь, я сейчас сам на мели.

– Вот гад, – подумал Илья, вешая трубку, – катается как сыр в масле и говорит, что на мели.

Зимой в Травояниках жизнь замирала. Местные не знали чем заняться, и прогулка по русскому рынку была одним из немногих развлечений. Они шли на базар как на спектакль и, покупая ненужную им безделушку, отчаянно торговались из-за каждой лиры, а потом выбрасывали покупку, не доходя до дома. Илья с удовольствием слушал их удивительный язык, мягкий и мелодичный, как песня. Ему нравилась Италия, а в ней больше всего нравились жен-

щины. Они как будто специально соблазняли эмигрантов и приходили на рынок, одетые как на парад мод. Сверху – дорогая шуба нараспашку, а под ней кофточка с глубоким декольте и микро-юбка, которая почти ничего не прикрывала. Конечно, мужчин это настраивало на романтический лад и их знаки внимания не оставались незамеченными. Илья знал о нескольких курортных романах. Язык похоти и флирта не требовал перевода, а эпоха дружбы народов настала гораздо быстрее, чем рассчитывали классики марксизма.

Илья принёс свои товары на рынок, разложил их и, сравнив с тем, что продавали соседи, почувствовал себя очень неловко. Он ведь хотел получить твёрдую валюту за какую-то ерунду, приобретённую на ничего не стоившие рубли.

–Кванта коста, – спросил его мужчина, рассматривавший железную шкатулку.

–Кванта дарэ, – ответил Илья.

Итальянец дал ему несколько миль, и Илья посмотрел на Гену. Одессит был занят с очередным клиентом, но перехватив взгляд Ильи, одобрительно кивнул и выставил большой палец вверх. Он был прекрасным психологом, чувствовал как надо себя вести с клиентом и редко кто уходил от него без покупки. Вот и на сей раз Гена угостил мальчика конфетой и на русском языке нахваливал достоинства матрёшек. Его мимика была настолько выразительной, что перевода не требовалось. Ребёнок был околдован, а Гена потрепав мальчика по голове, сказал:

–Хороший парень, хороший. Вот смотри, что у меня есть, – он зажал самую маленькую матрёшку в кулак, покрутил кулак перед носом мальчика, а когда разжал его, матрёшки там не было. Малец раскрыл рот, а Гена другой рукой вынул матрёшку из-за шивороты паренька. Восхищённый ребёнок тут же захотел игрушку и взял своего отца в оборот.

–Кванта коста? – спросил тот.

–Только для тебя дорогой, потому что мне нравится твой сынишка, я продам со скидкой, – и Гена назвал цену, которая была раза в три больше обычной. Покупатель отрицательно покачал головой.

–Не хочешь своего сына уважить, дело твоё. А ещё говорят, что итальянцы любят детей. Брехня всё это, жлобы вы, – обратился Гена к покупателю.

Тот отвёл мальчика в сторону, что-то сказал ему, дал несколько миль и так, чтобы все видели, стал тереть глаза руками, издавая при этом хныкающие звуки. Малыш подошёл к Гене, сунул ему деньги и потянулся за матрёшкой. Гена быстро её убрал и ребёнок разревелся. Одессит посмотрел на папашу и укоризненно покачал головой, а потом, вдруг, показал рукой на небо и закричал:

–Вон, смотрите, птичка летит. – Все посмотрели вверх, а Гена подбегал то к отцу, то к сыну и тыкал пальцем в небо. Они послушно крутили головами. Там ничего не было, и итальянцы, наконец, вопросительно посмотрели на Гену.

–Улетела птичка, вы всё прозевали, потому что лопухи, – сказал Гена. В это время к ним подошла Маша, чтобы позвать деда домой. Его место в тот день находилось между Ильёй и Геной. – Вот, Маша, переведи им, что я не хочу видеть, как они нюни здесь разводят, покупателей у меня отпугивают. Пусть они берут матрёшку и идут с ней к... ну ты сама знаешь куда. Могут считать это подарком бедного эмигранта зажавшимся буржуям. – Гена взял у мальчика деньги, дал ему матрёшку и жестом показал, чтобы они уходили, пока он не передумал, а когда они ушли, он потряс рукав своей куртки и пересчитал несколько выпавших оттуда купюр. Потом он подумал немного и потряс снова. Выпала ещё одна бумажка. Он аккуратно сложил деньги и засунул их в кошелек.

За пару недель Илья приобрёл основные навыки торговли и продал почти все игрушки, но количество презервативов почти не уменьшилось. Надпись «anti-bambino», итальянцам ничего не говорила, а упаковка не давала даже малейшего намёка на то, что находилось внутри. О назначении содержимого пакетиков знали только бывшие сограждане. Проводя много времени на рынке, Илья сблизился с Рабиным-старшим и его внучкой, которая иногда приходила сме-

нять деда. Маша была очень способной и не по годам развитой девочкой. Илья с удовольствием разговаривал с ней на самые разные темы, а она относилась к нему, как к члену семьи. Они делились такими подробностями, которые при нормальной жизни и налаженном быте, не всегда открывают даже близким родственникам.

5.

Илья перечитал письмо и задумался. Он же хотел пожаловаться брату на то, что у него пропали лучшие годы, что все разговоры о безоблачном детстве и счастливой жизни – дикая ложь, что помпеяне и помпеянки уже два тысячелетия назад имели гораздо больше свобод, чем советские граждане, что совсем не надо было разрушать старый мир и строить, свой, новый, как это делали на его бывшей родине в полном соответствии с революционным гимном, что неизвестно, сколько ещё придётся торчать в Италии, а жмот-спонсор не захотел одолжить денег и всё это так действует на нервы, что хоть вешайся. Да ведь Лёша его не поймёт, потому что он живёт на мизерную зарплату в крохотной квартирке и, хотя числится инженером, но гораздо больше получает за какую-то халтуру. Нехватку денег на экскурсии по Италии он ни за что не отнесёт к несчастьям. Нет, ему надо писать о другом. И Илья вновь склонился над листом бумаги.

До чего же всё-таки тесен мир, Лёша! Я здесь встретил Колю Парфёнова. Да, да, того самого, нашего бывшего сокурсника, секретаря комсомольской организации, который руководил собраниями публичного осуждения. Помнишь, наверно, как он клеймил позором американских империалистов, израильских сионистов, диссидентов и верующих, а здесь обрадовался мне, как родному. До этого я видел его последний раз на десятилетии окончания института, тогда он хвастал, что работает секретарём парторганизации какого-то крупного фарфорового завода. Я подумал, что и в Италию он приехал с делегацией, но когда спросил его по какому он здесь каналу, он ответил, что по моче-половому. Оказывается, он женился на еврейке и принял иудаизм со всеми вытекающими обстоятельствами. Я только надеюсь, что после обрезания обстоятельства вытекали из него с кровью. Со мной он всё время заигрывал, вероятно, опасаясь, что я расскажу об его прошлом. Я бы и рассказал, но он всё равно выкрутится, с него как с Гусинского вода и я уверен, что если бы в Монголии уровень жизни был выше, чем в Америке, он нашёл бы у себя в родословной потомка Чингиз Хана и воссоединился бы со своими узкоглазыми родственниками. Когда он увидел, что я продаю, то сразу же предложил мне обменять свой декоративный чайник на 20 пачек презервативов. Обычно, я не торгуюсь, но ему сказал, что больше чем за пять пачек его чайник не возьму. Сошлись мы на десяти, а через несколько дней он прибежал с претензиями на то, что я продаю бракованный товар. Я вспомнил, что случилось у меня самого после путешествия в Помпеи и подумал, что он может быть и прав, но уступать ему не захотел и говорил лишь, что ему, наверно, обрезание сделали непрофессионально. С тех пор я его не видел.

Илья поставил точку и опять посмотрел в окно. В этот момент в дверь постучали.

– Да, – сказал Илья, откладывая письмо, – войдите.

Зашла Маша и протянула ему лист бумаги.

– Что это?

– То, что вы просили.

– Спасибо, – обрадовался Илья, – а что здесь написано?

– Квалифицированный мастер выполняет любые виды работ за скромную плату.

– Во-первых, я не такой уж квалифицированный, а что касается платы, то она хоть и женского рода, но совсем не должна быть скромной.

– Если хотите я могу переделать объявление, только ведь вас тогда никто не найдёт.

– Это точно, – согласился Илья.

Он считал, что перед началом дачного сезона хозяевам квартир нужно было делать ремонт, а клеить обои и красить заборы он умел.

Через несколько дней на базаре около него остановился вальяжный итальянец и, указывая пальцем на объявление, стал что-то быстро говорить. Понятно было лишь, что его зовут Джованни и ему нужен работник. Маша была в школе и все попытки Ильи выяснить, какова будет плата и что придётся делать, окончились неудачно. На помощь пришёл Гена. Это был один из тех редких моментов, когда у него не было покупателей.

– Хорошо, Ваня, – сказал он итальянцу, – мой амиго тебе всё сделает по высшему разряду. Жаль, только Машки нет, она бы точно объяснила, что ты хочешь, но у нас и так будет с тобой полный порядок. Ты главное не волнуйся и не тараторь, как сумасшедший. Мы же всё равно тебя, дурака, не понимаем, а если ты хочешь найти с нами общий язык, то купи вот это. – Он достал из сумки бутылку водки и протянул её Джованни, но тот отказался. – Ну, как знаешь. Моё дело предложить. Когда ты хочешь начать?

– Доматтина

Вернувшись домой, Илья сказал, что нашёл работу и Наде самой придётся идти на рынок. Кстати, она проверит, каким спросом пользуются изделия её фабрики за границей. У него их почему-то никто не покупал.

– Продавать не умеешь, – ответила жена, – у меня в момент разберут.

На следующий день на рынке она разложила около себя товар, рядом поставила макет фаллоса, надела на него презерватив и тоном базарной торговли начала кричать:

– Купи-и-и-ите презервативы у бывшего депутата Бабушкинского совета.

Около неё собрались зеваки. Какой-то шутник предложил сначала проверить изделие на прочность.

– Конечно, проверь, – деловым тоном сказала Надя, – одень презерватив, зажми его в кулак и води вверх-вниз пока не порвётся. Ты ведь, наверно, уже не раз так делал? Парень покраснел, а бывшие сограждане, удовлетворённые ответом, стали покупать по несколько пачек. Торговля пошла и к концу дня у Нади остался только макет фаллоса с одетым на него образцом. Когда она собралась уходить, один из молодых итальянцев, постоянно гулявший по рынку, предложил её подвезти. Конечно, она могла бы и прогуляться, но чувствовала себя такой вымотанной, что хотела уже побыстрее оказаться дома. К тому же ей нетерпелось узнать, как дела у Ильи, а по её расчётам он уже должен был вернуться. Она согласилась и села в машину. Водитель тут же стал приглашать её на нудистский пляж.

– *La tutto va benì*, – повторял он.

Надя прикинулась, что ничего не понимает, тогда он остановил машину и расстегнул брюки. Надя посмотрела на него, на его расстёгнутые брюки, вынула из сумки деревянный макет фаллоса, сравнила с живым и сказала:

– Пикколо – и, хлопнув дверью, вышла из машины.

В тот же день утром Джованни отвёз Илью в свой загородный дом, поставил на стол бутылку вина, положил еду, с помощью жестов показал, что надо оштукатурить стены и уехал.

Опыт работы штукатуром у Ильи был весьма ограничен и состоял в том, что он пятилетним мальчиком наблюдал, как мастер ремонтировал стены в его квартире. Тогда это казалось ему очень простым, но проковырявшись полчаса, он понял, что ошибался. Он решил оставить всё, как есть, и выйти на улицу.

Небольшой дачный посёлок был пуст. Илья с удовольствием вернулся бы домой, но пешком было не добраться, и он пошёл к морю. Утренняя прохлада приятно радовала тело и создавала хорошее настроение. Он разделся и лёг на песок.

Отпуск в Италии! Ещё недавно это казалось несбыточной мечтой. Вот о чём надо было написать Лёхе. Жаль только, что он не взял с собой ручку и бумагу, но кто знал, что так полу-

чится. Он же ехал на заработки, а не на курсы повышения эпистолярного мастерства. Илья посмотрел на море. Такого удивительного цвета воды он ещё никогда не видел. Она манила его своей лазурью. Правда, теплолюбивые итальянцы считали, что для купания ещё холодно, но для русского медведя в самый раз. Он разделся и полез в воду.

Домой он вернулся только к обеду. Простая еда и лёгкое вино показались ему такими вкусными, что он быстро расправился со всеми запасами и, включив телевизор, начал щёлкать пультом управления. Перепробовав все каналы по нескольку раз, он с сожалением убедился, что порнуху днём не показывают. Вино уже начало действовать и оглядев комнату, Илья вспомнил, для чего его сюда привезли. Работа штукатура уже не казалась ему такой сложной, он взял мастерок и взвесил его в руке.

...Когда Джованни увидел, во что превратилась стена его спальни, он с трудом сдержался, чтобы не накинуться на Илью с кулаками. Неудавшийся штукатур был обложен отборным итальянским матом и доставлен домой.

На следующий день у Нади резко повысилась температура. Она решила, что это простуда и стала принимать антибиотики. Скоро она выздоровела и могла бы забыть о болезни, но у неё прошёл срок. Беременность её не пугала, в конце концов, они прокормят и двух детей, но сильные лекарства могли фатально подействовать на плод, а рожать больного ребёнка она не хотела. Подождав несколько дней, Надя попросила мужа поехать с ней в Рим. К ним присоединилась и Маша, испытывавшая сильные боли в животе и её дед, у которого в тот день был очередной шахматный турнир. Они выглядели как одна большая семья. Совместная эмиграция сблизила их настолько, насколько и могут быть близки люди. Тратить деньги на проезд они не хотели и поехали зайцем, но им не повезло, контролёров они заметили слишком поздно. Их зажали с двух сторон. Деться безбилетникам было некуда, и они притворились, что ничего не понимают. Контролёры ругались, кричали и размахивали руками, но возиться с эмигрантами не хотели: по опыту они знали, что штрафа с них не возьмёшь, в тюрьму не посадишь, а поэтому и тащить их в полицию бессмысленно. Они стали ругать своё правительство, из-за которого страну наводнили выходцы из третьего мира, особенно русские, которых они, итальянцы, били во время второй мировой войны, но, вероятно, били мало, потому что эти свиньи другого языка и не понимают.

–Вы ошибаетесь, – возразила Маша, – во время войны мы вас били, а не вы нас, а этот старик, – она указала на деда, – генерал, его армия прошла пол Европы.

Автобус притих, и военврач без пенсии тот час же стал центром внимания. Он понял, о чём говорит Маша, неспеша вынул свои награды и по одной стал прикреплять их к пиджаку. Пассажиры внимательно следили за каждым его движением.

–Закон для всех одинаков, – сказал старший контролёр, а его коллеги, не сговариваясь, стали подталкивать безбилетников к выходу.

–Бежим, Яков Борисович, – шепнул Илья.

–Не спеши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.